

ИЛ

Современная
художественная
литература

Стивен Винсент
Бене
**За зубом
к Полю Ревиру**

Стивен Винсент Бене Джонни Пай и Смерть Дуракам

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162036

*Стивен Винсент Бене «За зубом к Полю Ревиру». Библиотека журнала
«Иностранная литература»: Известия; Москва; 1988*

Аннотация

От исторических и фольклорных сюжетов – до психологически тонких рассказов о современных нравах и притч с остро-социальным и этическим звучанием – таков диапазон прозы Бене, представленный в этом сборнике. Для рассказов Бене характерны увлекательно построенный сюжет и юмор

Стивен Винсент Бене Джонни Пай и Смерть Дуракам

Сейчас про Смерть Дуракам слышишь мало, но когда Джонни Пай был мальчишкой, о нем ходило много разговоров. Одни говорили, что он вот такой из себя, другие – что вот этакий, но почти все были согласны в том, что является он то и дело. Или это Джонни Паю так казалось. Но Джонни Пай был приемыш, может быть, он потому и принимал все это всерьез.

Когда родители его умерли, мельник и его жена вызвались растить его, это они сделали доброе дело. Но только что он сменил зубы и стал вести себя как почти все мальчишки, они стали обрушиваться на него как гром, удар за ударом, а это было дело уже далеко не такое доброе. Они были хорошие люди, всегда поступали по правилам, но правила у них были ужасно строгие, и они считали, чем строже обращаться с мальчишкой, тем он вырастет умнее и лучше. Может, с некоторыми детьми это получается, но с Джонни не получилось.

Он рос смышленным и покладистым, не хуже большинства мальчишек в Мартинсвилле. Но почему-то ему никогда не удавалось сделать то, что его просили, или сказать то, чего от него ждали, – во всяком случае, у себя дома. Обращайся

с мальчиком как с дураком, он и вести себя будет по-дурацки, я всегда это говорю, но некоторых людей приходится в этом убеждать. Мельник и его жена считали, что для Джонни самое милое дело – обращаться с ним как с дурачком, и добились того, что он и сам в это поверил.

И это причинило ему много горя, потому что воображение у него было мальчишеское, и было его, пожалуй, побольше, чем у других. Порку он мог перенести и переносил. Но не мог перенести того, как все шло на мельнице. Едва ли мельник задумал это загодя. Но Джонни, как себя помнил, знал, что стоит мельнику услышать о смерти кого-нибудь, кого он не любил, он скажет: «Ну вот, Смерть дуракам пришел за таким-то» – и вроде как причмокнет губами. Это была, так сказать, семейная шутка, но мельник был крупный человек с крупным красным лицом, и слова его пугали Джонни. В конце концов он представил себе, как выглядит Смерть Дуракам. Тоже крупный мужчина, в клетчатой рубахе и плисовых штанах, и ходит по белу свету, помахивая ореховой дубинкой со свинцовым наконечником. Образ этот сложился у него совершенно отчетливо, как это вышло – не знаю, но мысленно он видел его так же ясно, как любого жителя Мартинсвилла, и время от времени он спрашивал для проверки какого-нибудь взрослого, робко спрашивал, так ли выглядит Смерть Дуракам. Они, конечно, смеялись и отвечали, что именно так. И тогда Джонни просыпался среди ночи в своей каморке над мельницей и ждал, когда на дороге

послышатся шаги Смерти Дуракам и когда он наконец явится. Но никому об этом не говорить – на это у него смелости хватало. Однако со временем терпеть дольше стало невозможно. Он попался на какой-то ребяческой шалости – поставил жернова, чтобы мололи мелко, когда мельнику было желательно получить грубый помол, – ну, перепутал, знаете как бывает. Но заработал за это две порки – одну от мельника и одну от мельничихи, и после этого мельник сказал: «Ну вот, Джонни Пай, теперь жди: Смерть Дуракам за тобой непременно явится. В жизни не видел такого дурака». Джонни глянул на мельничиху узнать ее мнение, но она только покачала головой, и лицо у нее было серьезное. И в тот вечер он лег в постель, но не мог уснуть, потому что стоило прошелестеть ветке или скрипнуть мельничному колесу, как ему уже мерещился Смерть Дуракам. И наутро, когда никто еще не вставал, он связал свои пожитки в пестрый узелок и удрал из дома.

Спасти от Смерти Дуракам надолго он не надеялся – насколько он знал, Смерть Дуракам настигает человека, куда бы тот ни подался. Но он решил – пусть хотя бы побегает для начала. И когда он вышел на дорогу, было ясное весеннее утро, и за все последнее время он не мог бы вспомнить такого покоя и мира. Поэтому теперь ему стало полегче, и он, не останавливаясь, запустил камнем в большущую лягушку, просто чтобы знали, что он – Джонни Пай и пока унывать не собирается.

Он отошел от Мартинсвилла всего на три-четыре мили, когда услышал, что следом за ним по дороге приближается шарабан. Он знал, что Смерти Дуракам, чтобы изловить человека, шарабан не нужен, и потому не испугался, а отошел на обочину, чтобы пропустить его. А шарабан остановился, и из него выглянул чернобородый мужчина в цилиндре.

– Привет, малыш, – сказал он. – Правильно я еду на Ист-Либерти?

– Меня зовут Джон Пай, и мне одиннадцать лет, – ответил Джонни вежливо, но твердо, – а на Ист-Либерти следующий поворот налево. Говорят, очень красивый город, но я там не бывал. – И он вздохнул, подумав, как ему хотелось бы повидать свет до того, как Смерть Дуракам его настигнет.

– Гм, – сказал чернобородый. – Ты, значит, тоже не здешний? И почему же такой молодец шагает один по дороге так рано?

– А-а, – протянул Джонни Пай и ответил чистую правду: – Я удрал от Смерти Дуракам. Мельник сказал, что я дурак, и жена его то же говорит, и почти все в Мартине-вилле так говорят, кроме маленькой Сюзи Марш. И еще мельник говорит, что Смерть Дуракам за мной гонится, вот я и решил сбежать, пока он не явился.

Чернобородый посидел в своем шарабане и посопел, когда отдышался, сказал: – Лезь сюда, малыш. Мельник, может, и называет тебя дураком, а, по-моему, ты просто молодец, что решил совсем один сбежать от Смерти Дуракам.

Меня провинциальные сплетни не касаются, и мальчик мне нужен смышленный, так что давай подвезу тебя.

– А Смерть Дуракам мне ничего не сделает, если я буду с вами? – спросил Джонни. – А то, может, не стоит?

– Ничего не сделает? – сказал чернобородый и опять засопел. – Нет, такой опасности не будет. Ты понимаешь, я лекарь, травник, и некоторые считают, что я и сам занимаюсь тем же делом, что и Смерть Дуракам. А тебя я обучу такому ремеслу, что вдвое выгоднее мельничного.

– Вас послушать, очень получается хорошо, но меня зовут Джонни Пай. – И он влез в шарабан. И они покатали к Ист-Либерти, и лекарь болтал и шутил, так что Джонни подумалось, что такого интересного человека он сроду не видывал. Не доезжая до Ист-Либерти примерно полумили, лекарь остановился у какого-то родника.

– Зачем мы тут остановились? – спросил Джонни Пай.

– Погоди, сейчас узнаешь, – отвечал лекарь и подмигнул ему. Потом из задка шарабана достал войлочный мешок, полный пустых пузырьков, и велел Джонни набрать в них воды из родника и наклеить этикетки. Потом в каждый пузырек добавил щепотку розового порошка, взболтал их, заткнул пробками и убрал.

– Это что? – спросил Джонни, широко раскрыв глаза.

– Это, – отвечал лекарь, читая этикетку, – «несравненное универсальное средство старого доктора Уолдо. Изготовлено из чистейшего змеиного масла и тайных индейских трав,

излечивает ревматизм, вертячку, головную боль, малярию, пять видов припадков и мухи перед глазами. Также снимает пятна от растительного масла и жира, чистит ножи и серебро, полирует медные части и рекомендуется как общее укрепляющее средство и очиститель крови. Малый пузырек – один доллар, большой, на семью, – два с половиной доллара».

– Но я не вижу в нем никакого змеинового масла, – сказал Джонни слегка растерянно, – и никаких тайных индейских трав.

– А это потому, что ты не дурак. – И лекарь опять подмигнул. – Смерть Дуракам тоже бы не увидел. Но почти все люди видят.

И в тот же вечер Джонни увидел. Ибо лекарь открыл торговлю в Ист-Либерти, и очень получилось красиво. Он взял два горящих факела и воткнул их в землю по обе стороны шарабана; надел бриллиантовые запонки, показывал карточные фокусы и рассказывал смешные анекдоты, так что у всех прямо глаза на лоб полезли. А Джонни велел играть на тамбурине. Потом заговорил об универсальном средстве доктора Уолдо, и с помощью Джонни пузырьки стали распродаваться, как горячие пирожки. Позже Джонни помог ему сосчитать деньги, их оказалась целая гора.

– Н-да, – сказал Джонни, – никогда я не видел, чтобы деньги доставались легче. Хррошее у вас ремесло, мистер лекарь.

– Это все сноровка, – сказал лекарь и похлопал Джонни по спине. – Дурак готов жить в одном и том же месте и делать одно и то же дело и тем доволен, но заправского уличного торговца Смерть Дуракам еще ни разу не изловил.

– Да, это мне повезло, что я вас встретил, – сказал Джонни. – И раз дело в сноровке, я не я буду, если не выучусь этому ремеслу.

И он оставался с лекарем довольно долго, пока не научился готовить лекарство и показывать карточные фокусы почти так же хорошо, как его учитель. И лекарь любил Джонни, потому что Джонни был мальчик послушный. Но однажды вечером они приехали в городок, где дело у них пошло не как обычно. Толпа собралась как обычно, и лекарь стал показывать свои фокусы. Но все время Джонни видел, что в толпе снует какой-то востролицый человек и что-то нашептывает то тому, то другому. А когда у лекаря его рекламная речь была в самом разгаре этот востролицый вдруг закричал: «Это он! Я эту бороду где хочешь узнаю!» – после чего толпа взревела и стала выдирать планки из ближайшего забора. Следующее, что запомнил Джонни, это что его и лекаря выносят из города, посадив на шест, и длинные лекаревы фалды взлетают на каждом ухабе.

Джонни они пожалели, ведь он был еще маленький, но обоих предупредили, чтобы ноги их в этом городе больше не было, а затем вышвырнули лекаря в заросли чертополоха и разошлись по своим делам.

– У-ух! – сказал лекарь. – О-ох! – Это когда Джонни помогал ему выбраться из зарослей чертополоха. – Ты там покакуратней с этими шишками. И что ж ты не шухарнул, дурачок несчастный?

– Не шухарнул? – сказал Джонни. – Это как?

– Когда этот востролицый стал возле нас ошиваться. Тот эта чертова Главная улица показалась мне знакомой. Я здесь был два года назад, продавал часы из чистого золота по доллару штука.

– Но в часах из чистого золота один механизм стоит дороже, – сказал Джонни.

– Никаких механизмов там не было, – простонал лекарь, – просто в каждом корпусе сидел премиленький жучок и тикал так, что любо-дорого слушать.

– Да, конечно, это была умная мысль, – сказал Джонни. – Я бы нипочем не додумался.

– Умная? – сказал лекарь. – Это меня и сгубило, но кто бы подумал, что эти дураки два года будут таить обиду? А теперь мы потеряли и лошадь и шарабан, не говоря уже о пузырьках и выручке. Ну да ладно, в запасе у меня еще много фокусов, начнем сначала.

Но как ни любил Джонни лекаря, тут им овладели сомнения. Ему пришло в голову, что раз у того хватило ума только на то, чтобы его вынесли из города на шесте, значит, Смерть Дуракам не так далеко, как он думал. И в самом деле, когда он в тот вечер ложился спать, ему послышались шаги Смер-

ти Дуракам – топ, топ, топ – за ним! Он завязал уши курткой – не помогло. И когда лекарь приготовился снова открыть торговлю, они с Джонни расстались. Лекарь не держал на него зла, пожал ему руку и велел помнить, что сноровка – великая сила. И Джонни продолжал удирать.

В одном городе за стеклом лавки была прикреплена записка: «Требуется мальчик», и он зашел туда. И верно, за столом сидел купец в черном костюме тонкого сукна, очень нарядный и важный.

Джонни завел разговор про Смерть Дуракам, но это купца не заинтересовало. Он пригляделся к Джонни, увидел, что малый на вид покладистый и для своих лет сильный. «Но помни, мальчик, без дураков», – сказал он строго, после того как нанял его.

– Без дураков? – переспросил Джонни, и глаза его засветились надеждой.

– Вот именно, – ответил купец многозначительно. – В нашем деле нам дураки не нужны. Работай как следует и пойдешь в гору. А если есть у тебя какие-нибудь дурацкие фантазии, ударь их по голове и забудь о них.

Ну, это Джонни пообещал с удовольствием, и прожил он у купца полтора года. Подметал лавку, открывал и закрывал вовремя ставни, бегал с поручениями, заворачивал пакеты и научился быть занятым по двенадцать часов в день. И так как был он мальчик покладистый и честный, он пошел в гору, как и предсказал купец. Купец повысил ему жалованье

и разрешил понемножку обслуживать покупателей и заниматься бухгалтерией. И однажды ночью Джонни проснулся, и ему послышались сперва далеко, а потом все ближе шаги Смерти Дуракам, которые догоняли, догоняли его.

Утром он пришел к купцу и сказал: – Простите, сэр, что приходится вам об этом сообщить, но мне надо двигаться дальше.

– Жаль это слышать, Джонни, – сказал купец, – мальчик ты хороший. А если дело в оплате...

– Нет, дело не в этом, – сказал Джонни. – Но скажите мне одну вещь, сэр, и простите, что спрашиваю. Вот остался бы я у вас, скажите, чем бы я кончил?

Купец улыбнулся. – Вопрос не из легких, по части комплиментов я не силен. Но я и сам начинал мальчиком, подметал лавку. А ты малый сообразительный и еще многому мог бы научиться. Если бы не бросил дела, не знаю, почему бы тебе не достигнуть такого же успеха, как я.

– Какого же именно? – спросил Джонни.

Выражение у купца стало раздраженное, но улыбаться он не перестал.

– Так вот, – сказал он. – Я человек не хвастливый, но могу сообщить тебе следующее. Десять лет назад я был самым богатым человеком в городе, пять лет назад – в округе. А через пять лет, понимаешь ли, намерен быть самым богатым человеком в штате.

Глаза его при этом как будто сверкнули, но Джонни смот-

рел на его лицо. Лицо было желтое, одутловатое, а челюсть твердая как камень. И в эту минуту Джонни пришло в голову, что хотя он знал этого купца полтора года, он ни разу не видел, чтобы тот радовался, разве что когда успешно заканчивал сделку.

– Простите, сэр, – сказал он, – но если так, мне действительно пора уходить. Я ведь, понимаете, удираю от Смерти Дуракам, и если бы я остался и стал таким, как вы, он бы поймал меня, я бы и оглянуться...

– Ах ты нахальный щенок! – взорвался купец, и лицо его побагровело. – Расчет получи у кассира. – И не успел Джонни оглянуться, как уже опять был на дороге. Но теперь он привык к таким вещам и на этот раз шел посвистывая.

Ну, после этого он нанимался к разным людям, но всех его походов я описывать не стану. Одно время работал у изобретателя, и они разошлись, потому что Джонни ненароком спросил его, какая будет польза от его патентованной самозаводящейся машины вечного движения, когда он ее изобретет. И пока изобретатель говорил всякие слова об усовершенствовании рода человеческого и о красотах науки, стало ясно, что ответить он не может. В ту же ночь Джонни услышал шаги Смерти Дуракам далеко, а потом все ближе и наутро ушел. Потом пожил недолго у священника, и от него уходить очень не хотелось, потому что священник был добрый человек. Но как-то вечером они разговорились, и Джонни между прочим спросил его, что случается с людьми, кото-

рые верят не так же, как он. Священник был человек широких взглядов, но на этот вопрос ответ имеется только один. Он признал, что это, возможно, люди честные, признал даже, что они и не попадут прямо в ад, но впускать их в рай он не мог, даже самых добрых и умных, ибо есть правила, подробно перечисленные вероучением и церковью, и, если ты их не придерживаешься, нет тебе в рай дороги.

Так Джонни пришлось уйти от него, и после этого он некоторое время провел со старым пьяницей скрипачом. Думаю, что он не был хорошим человеком, но играл так, что у слушающих слезы лились из глаз. И когда он так играл, Джонни казалось, что Смерть Дуракам очень далеко. Ибо, пока он играл, несмотря на его грехи и слабости, в нем была сила. Но как-то ночью он умер пьяный в канаве, и Джонни держал на коленях его голову, и хотя он завещал Джонни свою скрипку, пользы от нее было мало. Кое-какие мотивы Джонни мог сыграть, но так, как играл тот скрипач, – нет, этого у него не было в пальцах.

А потом он каким-то образом попал в солдаты. Не был призван, для этого ему еще возраст не вышел, но он стал всеобщим любимцем, и сначала все шло прекрасно. Капитан там был самый храбрый человек, какого Джонни видел в жизни, и на все вопросы знал ответы из устава и военного кодекса. Но потом они отправились на Запад воевать с индейцами, и тут опять проклюнулись старые неприятности. Однажды вечером капитан сказал ему: «Джонни, мы завтра

идем биться с врагом, а ты останешься в лагере».

– Ой, я не хочу, – сказал Джонни. – Я тоже хочу биться.

– Это приказ, – отрезал капитан и дал Джонни какие-то указания и письмо – отвезти его жене.

– Полковник у нас – дурак набитый, – сказал он, – и путь наш лежит прямо в засаду.

– Почему же вы это ему не сказали? – спросил Джонни.

– Говорил, – сказал капитан, – но он полковник.

– Пусть хоть десять раз полковник, – сказал Джонни, – раз он дурак, кто-то должен остановить его.

– В армии так не положено, – сказал капитан. – Приказ есть приказ.

Но оказалось, что капитан ошибся: на следующий день, еще до того как им выступить, напали индейцы и были расколошмачены. Когда все кончилось, капитан заметил вполне профессионально: «Хорошо дрались. Правда, если б они подождали и устроили засаду, они бы сняли с нас скальпы. Но так – никаких шансов у них не было».

– А почему они не устроили засаду? – спросил Джонни.

– Да как тебе сказать – скорее всего они тоже получили приказ. Ну, а теперь скажи, хочешь быть солдатом?

– Жизнь эта хорошая, вся на свежем воздухе, но мне надо еще подумать, – сказал Джонни. Он уже знал, что капитан его – храбрый человек, и знал, что индейцы дрались храбро, – не найти было двух противников храбрее. И все же, когда он это обдумывал, он будто слышал в небе шаги. И он прослужил

до конца похода, а потом уволился из армии, хотя капитан и твердил ему, что он делает ошибку.

Теперь он, конечно, уже не был маленьким мальчиком, он превратился в молодого мужчину и мысли и чувства у него были как у молодого мужчины. И он все реже вспоминал Смерть Дуракам и то всего лишь как сон, который ему приснился в детстве. Иногда он даже посмеивался и думал, какой же он был дурак, что верил в его существование.

И все-таки желание его не было утолено, и что-то гнало его вперед. Теперь он назвал бы это честолюбием, но по существу это было то же самое. И какое бы он ни пробовал новое ремесло, рано или поздно ему снился сон про крупного мужчину в клетчатой рубашке и плисовых штанах, что бродит по свету, держа в одной руке ореховую дубинку. Теперь этот сон сердил его, но имел над ним какую-то странную власть. Так что когда ему было лет двадцать, он вдруг стал бояться. «Есть там Смерть Дуракам или нет, – подумал он, – я должен это дело распутать. В жизни должно быть что-то одно, чего человек должен держаться и быть уверен, что он не дурак. Я уже пробовал сноровку, и деньги, и еще с десятков других вещей, но ответа в них не нашел. Попробуем теперь книжную премудрость, поглядим, что из этого выйдет».

И он стал читать все книги, какие мог найти, и как только слышал шаги Смерти Дуракам, когда тот добирался до авторов – а случалось это часто, – старался заткнуть себе уши. Но одни книги советовали одно, а другие другое, и он не знал,

что выбрать.

«Да, – подумал он, когда прочел столько, что голова его оказалась набита книжной премудростью, как сосиска мясом, – это очень интересно, но по большей части уже устарело. Поеду-ка я в Вашингтон и посоветуюсь там с умными людьми. Сколько же нужно мудрости, чтобы править такой страной, как Соединенные Штаты. И если где-нибудь могут ответить на мои вопросы, так только там».

И он уложил чемодан и отправился-таки в Вашингтон. Для своих лет он был еще стеснительный и не ставил себе задачи сразу повидать президента. Он решил, что ему в самую пору придется конгрессмен. И он повидал конгрессмена, а тот сказал ему, что самое лучшее – стать примерным молодым американцем и голосовать за кандидата-республиканца, что Джонни понравилось, хотя и не вполне отвечало его надеждам.

Тогда он пошел к одному сенатору, и тот посоветовал ему быть примерным молодым американцем и голосовать за демократов, что ему тоже понравилось, но тоже не отвечало его надеждам. И хотя оба они держались внушительно и доброжелательно, одновременно с их речами ему слышались шаги... ну, какие шаги – вы знаете.

Но человеку, чем бы он еще ни занимался, нужно есть, и Джонни понял, что не мешает ему затянуть потуже пояс и поискать работу. И получил он работу у того первого конгрессмена, к которому явился, потому что тот был избран

от Мартинсвилла, поэтому Джонни к нему первому и обратился. И вскоре он забыл про свои поиски, да и про Смерть Дуракам, потому что к конгрессмену приехала погостить его племянница и оказалась той самой Сюзи Марш, с которой Джонни Пай сидел когда-то рядом в школе. Тогда она была хорошенькая, а теперь еще похорошела, и как только Джонни ее увидел, сердце его екнуло и заколотилось.

– И не думай, пожалуйста, Джонни Пай, что мы тебя забыли, – сказала она, когда дядюшка объяснил ей, кто его новый секретарь. – Напишу домой, там весь город переполошится. Мы все про тебя знаем, и как ты убивал индейцев, и изобретал вечное движение, и ездил по стране со знаменитым лекарем, и нажил состояние на галантерее и... ох, удивительная это история!

– Знаешь ли, – сказал Джонни и закашлялся, – кое-что здесь чуть-чуть преувеличено. Но ты умница, что заинтересовалась. Значит, в Мартинсвилле меня уже не считают дураком?

– Я тебя никогда дураком не считала, – сказала Сюзи с улыбкой, и Джонни почувствовал, как сердце у него снова екнуло.

– А я всегда знал, что ты хорошенькая, но до чего ты красива, узнал только сейчас, – сказал Джонни и снова закашлялся. – Ну, а раз вспомнили прежнее время, расскажи, как там мельник и его жена. Я тогда сбежал от них неожиданно, виноваты были обе стороны, им со мной тоже было не слад-

ко.

– Они оба скончались, – сказала Сюзи Марш. – Теперь там новый мельник. Но его, сказать по правде, не очень любят, и мельницу он запустил.

– Жаль, – сказал Джонни, – справная была мельница. – И продолжал расспрашивать, а она тоже много чего вспоминала. Ну, знаете, как бывает, когда двое молодых так разговариваются.

Джонни Пай никогда не работал так старательно, как в ту зиму. И думал он не о Смерти Дуракам, а о Сюзи Марш. То ему казалось, что она его любит, а то был уверен, что нет, а потом колебался, мешался и путался. Но в конце концов все обернулось отлично, она дала слово, и Джонни понял, что он – счастливейший человек на свете. И в ту ночь он проснулся и услышал, что его догоняет Смерть Дуракам – топ, топ, топ.

После этого он почти не спал и к завтраку спустился весь осунувшийся. Но будущий дядюшка не заметил этого, он потирал руки и улыбался.

– Надень самый лучший галстук, – сказал он превесело, – у меня нынче назначен разговор с президентом, и я, чтобы показать, что одобряю выбор моей племянницы, решил взять тебя с собой.

– К президенту? – выдохнул ошарашенный Джонни.

– Да, – ответил конгрессмен Марш. – Там, понимаешь, есть один законопроект... впрочем, это пока оставим. Но ты принарядись, Джонни, сегодня Мартинсвилл будет нами гор-

диться.

И тут у Джонни как гора с плеч свалилась. Он стиснул руку мистера Марша.

– Благодарю вас, дядя Эбен! Не знаю, как вас и благодарить.

Наконец-то он увидит человека, которому Смерть Дуракам не страшен, и ему уже казалось, что если это хоть раз случится, все его неприятности и метания будут позади.

Ну-с, какой это был президент – не важно, поверьте мне на слово, что он был президент и выглядел соответственно. И он совсем недавно был избран, поэтому старался вовсю, и следы щелчков, которые ему предстояло получить от конгресса, еще даже не были видны. В общем, он сидел в своем кресле, и Джонни им любовался. Ибо если и был во всей стране человек, к которому Смерть Дуракам не мог подступиться, то именно так он должен был выглядеть.

Президент и конгрессмен побеседовали немножко о политике, а потом наступила очередь Джонни.

– Ну, молодой человек, – сказал президент любезно, – чем могу быть вам полезен? На вас посмотреть – вы мне кажетесь прекрасным, прямо-таки примерным молодым американцем.

Конгрессмен поспешил вмешаться, не дав Джонни и рта раскрыть.

– Дайте ему просто совет, господин президент, – сказал он. – Просто своевременный совет. Понимаете, мой юный

друг вел до сих пор жизнь, полную приключений, а теперь он решил жениться на моей племяннице и остепениться. И больше всего ему сейчас нужно услышать от вас слово зрелой мудрости.

– Что ж, – сказал президент и взгляделся в Джонни повнимательнее, – если это все, что ему нужно, небольшую лошадку почистить недолго. Хорошо бы всем, кто ко мне приходит, требовалось так мало.

И все же он заставил Джонни заговорить, такие люди это умеют, и Джонни сам не заметил, как стал рассказывать ему свою биографию.

– Да, – сказал президент, когда он кончил, – лежачим камнем вас не назовешь. Но в этом ничего плохого нет. И для человека с таким разнообразным опытом, как у вас, мне ясно представляется одна-единственная карьера. Политика! – произнес он и стукнул правым кулаком по левой руке.

– Что ж, – сказал Джонни и почесал в затылке, – я, с тех пор как приехал в Вашингтон, думал об этом. Да вот не знаю, гожусь ли я на это дело.

– Речь написать ты можешь, – сказал конгрессмен Марш задумчиво. – Ты мне с моими речами сколько раз помогал. И вообще малый ты симпатичный. И родился в бедности, и сам из бедности поднялся, и даже воинские заслуги у тебя имеются. Да что там, черт возьми, – вы уж меня извините, господин президент, – он и сейчас стоит пятьсот голосов.

– Я... вы, джентльмены, мне льстите, – сказал Джонни,

сконфуженный и польщенный, – но вот займусь я политикой, чем же я кончу?

У президента выражение сделалось скромное.

– Быть президентом Соединенных Штатов, – сказал он, – это законная мечта любого американского гражданина. Если, конечно, его изберут.

– Да-а, – протянул Джонни, и у него даже в глазах потемнело. – Об этом я и не думал. Да, это великое дело. Но и ответственность, наверно, немалая.

– Правильно, – сказал президент и стал очень похож на свои предвыборные снимки.

– Да, ответственность, должно быть, ужасающая – даже не знаю, как простой смертный может ее выдержать. Скажите, господин президент, можно задать вам вопрос?

– Разумеется, – ответил президент, и он выглядел более гордым и более ответственным и с каждой минутой делался все более похож на свои предвыборные портреты.

– Так вот, – сказал Джонни, – вопрос как будто дурацкий, но дело вот в чем. Страна у нас большущая, господин президент, и живет в ней пропасть самых разных людей. Как может президент угодить всем этим людям одновременно? Вы, например, можете, господин президент?

На минуту президент как будто опешил. Но потом устремил на Джонни взгляд государственного мужа.

– С помощью божией, – произнес он торжественно, – и согласно с принципами нашей великой партии я намерен... –

Но конца этой фразы Джонни даже недослышал. Президент еще говорил, а Джонни услышал за дверью, в коридоре, шаги, и почему-то он знал, что шаги это не секретаря и не сторожа. Он порадовался, что президент сказал «С помощью божией», от этого шаги как будто стали легче. И когда президент умолк, Джонни поклонился.

– Благодарю вас, господин президент, вот это мне и хотелось узнать. А теперь поеду-ка я лучше домой в Мартинсвилл.

– Домой в Мартинсвилл? – удивился президент.

– Да, сэр, – сказал Джонни. – Думаю, что для политики я не гожусь.

– И больше тебе нечего сказать президенту Соединенных Штатов? – вскипел будущий дядюшка.

Но президент тем временем задумался, а человек он был покрупнее, чем конгрессмен Марш.

– Минутку, конгрессмен, – сказал он. – Этот молодой человек хотя бы честный и с виду мне нравится. К тому же из всех, кто приходил ко мне за последние полгода, он единственный ничего не просил, он да еще кошка в Белом доме, но ей, мне кажется, тоже что-то было нужно, потому что она мяукала. Вы не хотите быть президентом, молодой человек, и, сказать вам по секрету, я вас не осуждаю. Но не хотите ли вы стать почтмейстером в Мартинсвилле?

– Почтмейстером в Мартинсвилле? – сказал Джонни. – Но...

– Да, почта там захудалая, – сказал президент, – но это я раз в жизни сделаю что-то потому, что хочу. И пусть там конгресс кричит и плачет. Ну как, да или нет?

Джонни подумал о всех местах, где побывал, о всех ремеслах, какие перепробовал. Как ни странно, вспомнился ему старый пьяный скрипач, что умер в канаве, но им он не мог бы стать, это он знал. А больше всего он думал о Мартинсвилле и о Сюзи Марш. И хотя только что слышал шаги Смерти Дуракам, он вызвал его на бой.

– Да, – сказал он, – конечно. Тогда я смогу жениться на Сюзи.

– Лучшей причины вам и не сыскать, – сказал президент. – Одну минуту, сейчас напишу записку.

И он сдержал слово, и Джонни женился на своей Сюзи, и они уехали жить в Мартинсвилл. И Джонни, как только постиг премудрость почтмейстерства, убедился, что ремесло это не хуже других. Почты в Мартинсвилл приходило немного, а в свободное время он заправлял мельницей, и это тоже было хорошее ремесло. И все время, чем бы он ни был занят, он знал, что еще не до конца расквитался со Смертью Дуракам. Но это его не очень волновало, потому что и он и Сюзи были счастливы. А через какое-то время у них родился ребенок, и такого чуда еще не случалось ни у одной молодой пары, хотя врач утверждал, что младенец совершенно нормальный.

Однажды вечером, когда его сынишке было год или около

того, Джонни пошел домой вдоль реки. Дорога эта была чуть дальше, чем верхом, но там чувствовалась вечерняя прохлада, и бывают минуты, когда человеку хочется побыть одному, как бы он ни любил свою жену и ребенка.

Он думал о том, как все для него обернулось, и это казалось ему удивительным и странным, как бывает с людьми, когда они вспоминают свое прошлое. И думал он так старательно, что чуть не споткнулся о старого точильщика, который пристроил свой станок и инструменты возле самой дороги. У точильщика и тележка была рядом, но лошадь он выпряг и пустил пощипать травку, и очень это была тощая и старая белая лошадь, все ребра наружу. И он был очень занят, оттачивал косу.

– Ох, простите, – сказал Джонни Пай, – я и не знал, что кто-то здесь стал лагерем. Но вы, может быть, завтра зайдете ко мне домой, у моей жены несколько ножей затупились.

И прикусил язык, потому что старик поглядел на него очень пристально.

– Да это ты, Джонни Пай, – сказал старик. – Ну, как поживаешь, Джонни Пай? Долго же ты не приходил. Я несколько раз думал, что придется за тобой сходить. Но вот ты наконец и явился.

Джонни Пай был теперь взрослый, но тут он задрожал.

– Но это не вы! – воскликнул он. – Я хочу сказать – вы не он. Я всю жизнь знал, какой он с виду! Он крупный мужчина в клетчатой рубаше и в руке ореховая дубинка со свинцовым

наконечником.

– О нет, – сказал точильщик безмятежно. – Ты, может быть, такого меня выдумал, но я не такой. – И Джонни Пай услышал, как коса – вжик, вжик – вжикает по точилу. Старик смочил ее водой и взгляделся в лезвие. Потом покачал головой, как будто еще не вполне довольный, а потом спросил: – Ну как, Джонни, ты готов?

– Готов? – спросил Джонни хрипло. – Конечно, нет.

– Это они все так говорят, – сказал старик, кивая головой, и коса опять заходила по точилу – вжик, вжик.

Джонни вытер лоб и стал рассуждать.

– Понимаете, если бы вы нашли меня раньше, – сказал он. – Или позже. Я не хочу поступать неразумно, но у меня жена и ребенок.

– У всех есть жены, а у многих и дети, – сказал точильщик сердито и нажал на педаль так, что коса завжикала по точилу. И взметнулись вверх искры, очень яркие и чистые, потому что уже начало темнеть.

– Да прекратите вы этот чертов шум, дайте человеку подумать, – разозлился Джонни. – Говорю вам, я не могу идти. И не пойду. Еще не время. Сейчас...

Старик остановил станок и указал косой на Джонни Пая.

– Дай мне хоть одну разумную причину, – сказал он. – Есть люди, о которых можно пожалеть. Но разве ты из их числа? Об умном человеке можно пожалеть, но разве ты умный человек?

– Нет, – сказал Джонни и вспомнил лекаря-травника. – Мне было где ума набраться, но я не захотел.

– Раз, – сказал старик и загнул один палец. – Ну, некоторые люди могут пожалеть о богатом. Но ты, как я понимаю, не богат.

– Нет, – подтвердил Джонни и вспомнил купца. – И не захотел разбогатеть.

– Два, – сказал старик. – Ум, богатство – это побоку. Но есть еще солдатская храбрость, геройство. Будь они у тебя, тогда еще было бы о чем рассуждать.

Джонни Пай вспомнил, как выглядело поле боя на Западе, когда все индейцы были мертвы и сражение кончилось.

– Нет, – сказал он. – Я воевал, но я не герой.

– Ну так есть еще религия, – произнес старик вроде как терпеливо. – И наука и... но что толку? Мы знаем, как ты разделался с ними. Я мог бы, пожалуй, почувствовать сожаление, если бы речь шла о президенте Соединенных Штатов. Но...

– Ох, вы же знаете, что я не президент, – простонал Джонни. – Можно бы, кажется, с этим покончить.

– Неважно ты строишь свои доводы, – сказал старик, покачивая головой. – Удивляешь ты меня, Джонни. Все детство и юность удирал, лишь бы не стать дураком. А чуть вырос во взрослого мужчину, с чего начал? Женился, поселился в родном городе и растишь детей, понятия не имея, что из них выйдет. Тогда-то мог бы сообразить, что я тебя догоню, –

просто сам мне в руки дался.

– Может, я и дурак, – сказал измученный Джонни Пай, – но если так считать, мы все, наверно, дураки. Но Сюзи – моя жена, и мой сын – мой сын. А что до работы – кому-то надо быть и почтмейстером, а то люди не получали бы почты.

– А если б не получали, это было бы очень важно? – спросил старик, оттачивая кончик косы.

– Да нет, едва ли, если судить по тому, что пишут в открытках, – сказал Джонни Пай. – Но пока сортировать почту – мое дело, и я буду сортировать ее как можно лучше.

Старик так полоснул свою косу, что искры дождем полились на траву. – Вот-вот, – сказал он. – У меня тоже есть работа, и я ее делаю точно так же. Но сейчас я поступлю по-другому. Ты, безусловно, приближаешься ко мне, но небольшая проверка – и выходит, что ты еще немножко не дозрел. Поэтому я дам тебе краткую отсрочку. Если уж на то пошло, – добавил он, – ответь мне на один вопрос – как можно быть человеком и притом не быть дураком, – и я отпущу тебя без всяких сроков. Это будет первый случай в истории, но раз в жизни можно и рискнуть. А теперь можешь идти, Джонни Пай.

И он стал точить косу, так что искры полетели, как хвост кометы, а Джонни Пай пошел прочь. И никогда еще приречная прохлада не казалась ему такой сладкой.

И все же, хоть он испытал облегчение, он не совсем забыл, и порой Сюзи приходилось напоминать детям, чтобы не ме-

шали отцу, потому что он думает. Но время шло, и довольно скоро Джонни Пай спохватился, что ему сорок лет. В молодости он никогда не думал, что доживет до сорока, и это его вроде как удивило. Но что поделать, от фактов не уйти, хоть он и не мог бы сказать, что чувствует себя по-новому, разве только изредка, когда нагибается. И был он надежный гражданин, любимый и уважаемый, с растущим семейством и с прочным положением в обществе, и когда он думал об этом, это тоже удивляло его. Но вскоре стало привычно, словно так было всегда.

Лишь после того как его старший сын утонул на рыбалке – вот когда Джонни Пай снова встретил точильщика. Но в это время он был озлоблен и сам не свой от горя и если бы мог добраться до старика, уж верно лишил бы его жизни. Но почему-то, когда он попробовал с ним схватиться, ему показалось, что он хватает только воздух и туман. Он видел, как летят искры от косы, но даже коснуться точила не мог.

– Трус ты несчастный! – сказал Джонни Пай. – Выходи драться как мужчина! – Но старик только кивнул головой, а точило все вертелось и вертелось. – Почему ты не забрал меня? – сказал Джонни Пай, как будто до него никто не говорил этих слов. – Какой в этом смысл? Почему не можешь забрать меня сейчас?

И попробовал вырвать косу из рук у старика, но не мог коснуться точила. И тогда он упал на траву и затих.

– Время проходит, – сказал старик и тряхнул головой. –

Время проходит.

– Никогда оно не вылечит горя, каким я горюю о сыне, – сказал Джонни Пай.

– Правильно, – сказал старик и кивнул головой. – Но время проходит. Ты что же, ради своего горя готов оставить жену вдовой, а остальных детей без отца?

– Нет, – сказал Джонни. – Честное слово, нет. Это было бы грешно.

– Тогда иди домой, Джонни Пай, – сказал старик, и Джонни пошел, но на лице его появились морщины, которых раньше не было.

А время проходило, как течет река, и дети Джонни Пая поженились и повыходили замуж, и были у них теперь свои дома и дети. А у Сюзи волосы побелели и спина согнулась, и когда Джонни и его дети провожали ее в могилу, люди говорили, что она скончалась, когда пробил ее час, но поверить в это Джонни было трудно. Просто люди не говорили так ясно, как раньше, и солнце не грело так жарко, и он, случалось, еще до обеда засыпал в своем кресле.

И однажды, уже после смерти Сюзи, через Мартинсвилл проезжал тогдашний президент, и Джонни Пай пожал ему руку, и в газете появилась заметка, что он пожал руку двум президентам, одному через полвека после другого. Джонни Пай вырезал эту заметку и носил ее в бумажнике. Этот президент ему тоже понравился, но, как он и говорил знакомым, куда ему было до того, который правил пятьдесят лет назад.

Впрочем, чего же было и ждать, нынче президенты пошли такие, что их и президентами не назовешь. И все же та газетная вырезка очень его радовала.

На нижнюю дорогу он почти перестал ходить – не то, конечно, чтобы прогулка была слишком длинная, а просто редко туда тянуло. Но однажды он улизнул от внучки, которая за ним ухаживала, и пошел. И крутая же оказалась дорога – он и не помнил, до чего она крутая.

– Ну, здравствуй, Джонни Пай, – сказал точильщик, – как поживаешь?

– Говорите, пожалуйста, погромче, – попросил Джонни Пай. – Слух у меня превосходный, но люди стали говорить не так четко, как раньше. Вы не здешний?

– Ах, вот, значит, как обстоит дело, – сказал точильщик.

– Да, вот так и обстоит, – сказал Джонни Пай. Он надел очки, взгляделся в старика и почувствовал, что его следует бояться, но почему – хоть убей, не мог вспомнить. – Я знаю, кто вы такой, – сказал он чуть раздраженно, – на лица у меня память замечательная. И ваше имя так и вертится на языке...

– Насчет имен не волнуйся, – сказал точильщик. – Мы с тобой старые знакомые. И много лет назад я задал тебе вопрос – это ты помнишь?

– Да, – сказал Джонни Пай. – Помню. – И засмеялся скрипучим стариковским смехом. – И из всех дурацких вопросов, какие мне задавали, этот, безусловно, стоит на первом месте.

– Правда? – сказал точильщик.

– Ага, – усмехнулся Джонни. – Вы ведь спросили меня, как можно быть человеком и при этом не быть дураком. И ответ, вот он: когда человек умрет и его похоронят. Это каждый дурак знает.

– В самом деле? – сказал точильщик.

– Конечно, – сказал Джонни Пай. – Мне ли не знать. Мне в ноябре стукнет девяносто два года, и я пожимал руку двум президентам. Первому...

– Про это расскажешь, я с интересом послушаю, но сначала маленький деловой разговор. Если все люди дураки, как же земля-то движется?

– Ну, мало ли чего нет на свете, – сказал Джонни, теряя терпение. – Есть люди храбрые, и мудрые, и сноровистые, им удастся иногда двинуть ее вперед, хотя бы на дюйм. Но там все перепутано. Да господи боже мой, еще в самом начале только какой-нибудь дурак полез бы из моря на сушу – либо был выкинут из рая, если так вам больше нравится. Нельзя верить в то, как люди себя воображают, надо судить по делам их. И я не ставлю высоко человека, которого в свое время люди не считали бы дураком.

– Так, – сказал точильщик, – ты ответил на мой вопрос, во всяком случае, насколько это тебе по силам. Большого от человека ждать не приходится. Поэтому и я выполню свое обязательство по нашей сделке.

– Какое же именно? – сказал Джонни. – Все вместе я пом-

ню отлично, но некоторые подробности как-то забылись.

– Ну как же, – сказал точильщик обиженно, – я же обещал отпустить тебя, старый ты дурак! Ты меня больше не увидишь до Страшного суда. Там, наверху, это вызовет неприязности, – добавил он, – но хоть изредка могу я поступить так, как хочу?

– Уф, – сказал Джонни Пай. – Это надо еще обдумать. – И почесал в затылке.

– Зачем? – спросил точильщик, явно задетый за живое. – Не так часто я предлагаю человеку вечную жизнь.

– Ну да, – сказал Джонни Пай, – это с вашей стороны очень любезно, но, понимаете, дело обстоит так. – Он подумал с минуту. – Нет, вам не понять. Но вам не дашь больше семидесяти лет, а от молодых и ждать нечего.

– А ты меня проверь, – предложил точильщик.

– Ну хорошо, – сказал Джонни, – дело, значит, обстоит так, – и он опять почесал в затылке. – Предложи вы мне это сорок, даже двадцать лет назад... а теперь... Возьмем одну небольшую деталь, скажем – зубы.

– Ну конечно, – сказал точильщик. – Естественно. Не ждешь же ты от меня помощи в этом отношении.

– Так я и думал, – сказал Джонни. – Понимаете, эти зубы у меня хорошие, покупные, но очень надоело слушать, как они щелкают. И с очками, наверно, то же самое?

– Боюсь, что так, – ответил точильщик. – Я ведь, знаешь, со временем не могу сладить, это вне моей компетенции. И

по чести говоря, трудно ожидать, чтобы ты, скажем, в сто восемьдесят лет остался совсем таким же, каким был в девяносто. И все-таки ты был бы ходячее чудо.

– Возможно, – сказал Джонни Пай, – но понимаете, я теперь старик. Поглядеть на меня – не поверишь, но это так. И мои друзья – нет их больше, ни Сюзи, ни мальчика, – а с молодыми не сходишься так близко, как раньше, не считая детей. И жить, и жить до Страшного суда, когда рядом нет никого понимающего, с кем поговорить, – нет, сэр, предложение ваше великодушное, но принять его, как хотите, не могу. Пусть это у меня недостаток патриотизма, и Мартинсвилл мне жаль. Чтобы видный горожанин дожил до Страшного суда – да это вызвало бы переворот в здешнем климате, и в торговой палате тоже. Но человек должен поступать так, как ему хочется, хотя бы раз в жизни. – Он умолк и поглядел на точильщика. – Каюсь, – сказал он, – мне бы очень хотелось переплюнуть Айка Ливиса. Его послушать – можно подумать, что никто еще не доживал до девяноста лет. Но надо полагать...

– К сожалению, полисов на срок мы не выдаем, – сказал точильщик.

– Ну ничего, это я просто так спросил. Айка-то вообще молодец. – Он помолчал. – Скажите, – продолжал он, понизив голос, – ну, вы меня понимаете. После. То есть вероятно ли, что снова увидишь, – он кашлянул, – своих друзей, то есть правда ли то, во что верят некоторые люди?

– Этого я тебе не могу сказать, – ответил точильщик. – Про это я и сам не знаю.

– Что ж, спрос не беда, – сказал Джонни Пай смиренно. Он взгляделся в темноту. От косы взвился последний снопок искр, потом вжиканье смолкло. – Гм, – сказал Джонни Пай и провел пальцем по лезвию. – Хорошо наточена коса. Но в прежнее время их точили лучше. – Он тревожно прислушался, огляделся. – Ой, господи помилуй, вот и Элен меня ищет. Сейчас уведет обратно в дом.

– Не уведет, – сказал точильщик. – Да, сталь в этой косе недурна. Ну что ж, Джонни Пай, пошли.